

ЗАБЫТЬ И ВСПОМНИТЬ: ПАМЯТЬ О СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

*(отв. ред. специальной темы номера –
П. Куприянов, Н. Ломакин, В. Склез, А. Соколова)*

УДК 304.2

DOI: 10.17223/2312461X/34/8

ЗАБЫТЬ И ВСПОМНИТЬ: ПАМЯТЬ О СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ*

Павел Сергеевич Куприянов,
Анна Дмитриевна Соколова

Аннотация. Введение к специальной теме номера посвящено памяти и забвению в современных исследованиях. В подборку вошли статьи участников конференции «Забыть и вспомнить: формы и границы советской памяти», которая прошла 1, 3, 5 и 6 февраля 2021 г. онлайн на базе Института экологии и антропологии РАН и Московской высшей школы социальных и экономических наук. Рассмотрены основные подходы к изучению феномена забвения. Дана краткая характеристика публикуемых статей.

Ключевые слова: память, забвение, советское, культурный ресайклинг

Данный блок статей составлен по результатам работы конференции «Забыть и вспомнить: формы и границы советской памяти», которая прошла 1, 3, 5 и 6 февраля 2021 г. онлайн на базе Института экологии и антропологии РАН и Московской высшей школы социальных и экономических наук**. Эта конференция задумывалась нами помимо прочего как площадка для разговора о забвении и была призвана восполнить ощутимый недостаток исследовательской дискуссии по этой теме. Хотя данная идея была открыто сформулирована в информационном письме, а информация о конференции имела большой отклик, и мы получили около 200 заявок, подавляющее большинство из них, к нашему удивлению, не было сфокусировано на забвении. Они были связаны с проблематикой памяти и (или) воспоминаний, но забвение как таковое, хотя и присутствовало в докладах, крайне редко оказывалось в центре внимания. Этому может быть несколько объяснений.

* Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 19-78-10076.

** С материалами конференции можно ознакомиться на сайте <http://oblivionconf.tilda.ws/>

Во-первых, возможно, мы плохо сформулировали свой замысел. Во-вторых, можно допустить, что такое отсутствие интереса к проблематике забвения — отличительная черта отечественного мемориального дискурса. Наконец, очень вероятно, что причина кроется в специфике самого предмета. Нисколько не исключая первых двух версий, мы все же склоняемся к тому, что проблема в самом феномене забвения.

В самом деле, разговор о забвении сегодня может выглядеть неожиданным. Мемориальный бум, начавшийся в гуманитарных и социальных науках в последние десятилетия прошлого века, кажется, пока не думает прекращаться, и более того, распространяется далеко за академические пределы, давно захватив публичную сферу. Эти общие тенденции в полной мере относятся и к России, где в последние годы можно наблюдать неугасающий интерес, озабоченность, а порой и одержимость (пользуясь термином А. Ассман) памятью. Возникают все новые и новые цифровые архивы воспоминаний, разнообразные образовательные проекты — школы, мастерские и лаборатории по работе с семейной и локальной памятью и наследием, создаются государственные и частные музеи, направленные на сохранение памяти о тех или иных событиях и явлениях, городские пространства насыщаются памятными знаками — от табличек «Последнего адреса» до новых скульптурных мемориалов. Вдоль автотрасс появляются билборды с указанием мест значимых исторических событий. Отдельные проекты вроде Бессмертного полка, возникнув как низовая инициатива небольшой группы активистов, стремительно приобретают исключительное общественное значение и становятся всенародными. Наконец, вокруг наиболее проблемных явлений отечественной истории (таких как Великая Отечественная война или сталинские репрессии) продолжаются «войны памяти» между разными общественными группами, институтами и государством, порой имеющие серьезные институциональные последствия. Одним словом, память очевидно является актуальной и чувствительной темой, уверенно присутствующей в общественно-политической повестке. И на этом фоне тема забвения выглядит неуместной, курьезной, а то и провокационной.

Однако все эти мемориальные инициативы очевидным образом направлены на сохранение/возрождение/защиту памяти — иными словами, на борьбу против/противостояние/предупреждение забвения и беспамятства. Стало быть, сама озабоченность памятью косвенно свидетельствует об актуальности забвения (как ее главной и насущной угрозы). В этом смысле время памяти оказывается одновременно и временем забвения.

На этот парадокс в свое время указывал Пол Коннертон. Отметив бесконечное производство книг и статей по культурной памяти, он уподобил его «постоянно нарастающей лихорадке» и говорил в связи с

этим об окружающей нас культуре *гипермнезии*. В то же время, обращаясь к различным сферам современной жизни (от производственных отношений до потребительских практик), он обнаруживал, что забвение неизменно присутствует и по-разному проявляется в каждой из них, и приходил к выводу, что «мы живем в *пост-мнемонической*, забывающей культуре» (курсив наш. – П.К., А.С.) (Connerton 2009: 146).

Неразрывная связь забвения и памятования устойчиво осмысливается разными авторами как очевидная базовая оппозиция, встроенная в язык и определяющая мышление: одно всегда противоположно другому (Ассман 2019: 12, 191). При этом подавляющее большинство работ, исследующих память, посвящены лишь одному из двух членов оппозиции – памятованию. Забвение удостоивается специального внимания гораздо реже. К тому же в этом противопоставлении оно привычно рассматривается как негативный полюс: память – это хорошо, а забвение – плохо.

Возможно, по этой причине разговор о забвении часто направлен на его реабилитацию. Этот «оправдательный» дискурс имеет довольно давнюю традицию и включает две линии рассуждения. Первая состоит в том, что именно забывание представляет собой нормативный модус существования человека и общества, тогда как памятование – напротив, является исключением, требующим специальных условий и усилий. Апологию забвения как механизма, обеспечивающего функционирование и развитие, обычно возводят к Ф. Ницше и его эссе 1874 г. «О пользе и вреде истории для жизни» (Сафронова 2019: 151), но нередко упоминают и гораздо более ранних авторов, отмечавших необходимость избавления от излишнего знания и отбора информации, таких как М. Монтень (Ассман 2019: 41–42) или Ф. Рабле (Connerton 2008: 65). Эта идея о естественности и функциональности забвения дополняется отрицанием его безусловно негативной оценки: авторы приводят примеры «позитивного», «конструктивного», «хорошего» забвения, такого, которое помогает обществу преодолевать травматичные события, достигать консенсуса после разобщения, формировать новую идентичность, забвения, которое служит основой для художественного творчества и интеллектуальных инноваций (Connerton 2008: 61–62; Ассман 2019: 51–59).

Попытки отделить «хорошее» забвение от «плохого», закрепив специальные категории за тем и другим, отражают общее стремление типологизировать забвение, выделив его виды, формы, фигуры, техники. Настойчивость, с которой эта интеллектуальная процедура раз за разом осуществляется разными авторами даже в лаконичных теоретических текстах (Auge 2004; Connerton 2008), выглядит как отчаянная попытка рационального освоения странного и противоречивого феномена.

Похоже, тем же объясняется обилие тропов и метафор, к которым прибегают исследователи для описания забвения. Здесь можно встре-

тить самые разные образы, от горизонта и морского берега до чердака и магазина. Забвение может уподобляться отмиранию клеток в живом организме (Ассман 2019: 28), а может – ...чиханию (Connerton 2008: 65–66). Обращаясь к образу сада, М. Оже находит сходства забвения не только с удалением сорняков и обрезкой растений, но и с самой трансформацией растения в процессе жизненного цикла, усматривая в цветке «забвение семени» (Auge 2004: 17). А. Ассман в своей книге «Формы забвения» то и дело возвращается к барочной эмблеме «Perit Pars Maxima» («Наибольшая часть утрачивается») с изображением «дождя знаний», изливающегося из книги и лишь частично попадающего в сосуд с узким горлом – с помощью этого образа исследовательница описывает разные аспекты рассматриваемого феномена (Ассман 2019: 13, 25–26, 39, 175). Такая метафоричность текстов про забвение, редкая для академического повествования, конечно, придает им особую выразительность и одновременно, как нам представляется, свидетельствует о недостаточности аналитического языка для полноценного описания исследуемого феномена. Забвение как будто «ускользает» от рационального схватывания, и неэффективность стандартных аналитических инструментов заставляет исследователей обращаться к художественным средствам.

Словом, при всей своей актуальности забвение оказывается довольно сложным для анализа и описания предметом, и это обстоятельство, вероятно, не в последнюю очередь объясняет непопулярность данной проблематики у исследователей, в том числе, у участников нашей конференции. Вместе с тем неотделимость забывания от памятования (кажущаяся или действительная) делает воспоминание не только ширмой, скрывающей забвение от исследовательского взгляда, но и ключом, открывающим доступ к нему (и это еще одна метафора).

Опираясь на наблюдения предшественников и поддерживая сложившуюся метафорическую традицию, можно представить забывание и воспоминание как единый универсальный *механизм фильтрации и отбора* информации, при котором оба упомянутых действия составляют фактически один общий процесс: всякое воспоминание (чего-то одного) есть по необходимости забвение (чего-то другого); восстанавливая в памяти одни события и факты, мы автоматически опускаем/игнорируем/отбрасываем другие. А это значит, что воспоминание может многое рассказать и о забвении.

Такая концептуализация ставит в центр внимания сам процесс отбора и сортировки информации. Каковы принципы работы этого механизма? Как происходит этот отбор? Какие факторы – культурные, социальные, коммуникативные, политические, психологические и другие – определяют, что и как будет «вспомнено», а что – забыто? Как конкурируют между собой разные фильтры, как выстраиваются прио-

ритеты, как согласуются разные версии отобранного материала? Это те вопросы, которые объединяют представленные ниже статьи.

Алейда Ассман замечает, что наиболее продуктивно исследовать процесс забвения в двух фазах: забывания и воспоминания, «когда нечто погружается в забвение или же возвращается из него» (Ассман 2019: 25). Статьи, вошедшие в настоящую подборку, вполне соответствуют данному подходу: они посвящены тому, как наши современники вспоминают советское прошлое, тому, как однажды забытое по той или иной причине вновь приобретает актуальность.

В каждом из представленных текстов проявляются разные функции и разная прагматика забвения и воспоминания. **Галина Янковская** анализирует память о советских гидроэнергетических проектах и сосредоточивает свое внимание на тех аспектах их реализации, которые находились вне публичного обсуждения в советское время, но вспоминаются и приобретают особую актуальность в наши дни. Речь идет о таких негативных последствиях гидростроительства, как затопление территорий, изменение ландшафта, массовые переселения и разрушение историко-культурного наследия. Сегодня для разговора об этом «неудобном прошлом» используются такие современные практики, как экологический и политический активизм или экологический туризм и развитие территорий. Таким образом, вспоминаемое «советское», по сути, создается заново, получает голос, воплощается в новые формы активизма, не мыслимые в советское время.

Обращение к советскому часто служит средством продвижения нового через актуализацию или оправдание старого. Такого рода использование прошлого имеет в некотором смысле взаимно противоположную прагматику. Так, **Светлана Маслинская**, анализируя причудливые трансформации советских текстов о пионерах-героях в современной культуре, показывает, как в последние два десятилетия на фоне новой волны интереса к военной героике происходит возрождение культа детского героизма, оторванного, однако, от ритуального контекста советского периода. Мы видим, как через возвращение памяти о пионерах-героях отдельные элементы советского дискурса вновь становятся востребованными, но уже в измененном виде: современные образы пионеров-героев теряют прежнюю достоверность и обретают эпические черты.

Юлия Секушина исследует совсем иной опыт обращения к советскому прошлому: в центре ее внимания то, как советские бытовые привычки, связанные часто с естественными ограничениями периода жесткого дефицита, переосмысляются в контексте современного дискурса осознанного потребления. Она показывает, как в ходе адаптации памяти о советских повседневных и хозяйственных практиках в рамках современной парадигмы zero-waste, советское прошлое десемантизирует-

ся, деполитизируется и в конечном счете переизобретается, чтобы быть включенным в актуальную повестку и стать частью принципиально нового явления.

Случаи использования, переосмысления, переизобретения прошлого, разбираемые в последних двух статьях, рассматриваются авторами сквозь призму популярной концепции культурного ресайклинга (Luehrmann 2005). Адаптируя это понятие к своему материалу, Юлия Секушина предлагает понимать его как концептуальную рамку, помогающую «объяснить, что люди делают с “ненужным” или “отвергнутым” прошлым». Нам представляется, что в такой интерпретации понятие ресайклинга может быть распространено не только на героическую детскую литературу или экопривычки, но и на некоторые другие кейсы, анализируемые в данной подборке. Да и в целом идея концептуализации памяти через понятие ресайклинга представляется, во-первых, очень созвучной предложенной «механической» модели забывания/вспоминания, а во-вторых, весьма конструктивной и плодотворной, главным образом, потому что предлагает видеть в воспоминании не реконструкцию, не восстановление утраченного в прежнем виде, а его пересборку, осуществляемую «под актуальные запросы», в соответствии с нынешними обстоятельствами и потребностями. Наконец, сама по себе весьма образная идея ресайклинга не может не стать источником новых метафор, описывающих ускользающее забвение.

Литература

- Ассман А. Забвение истории – одержимость историей / сост., пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
- Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019.
- Auge M. Oblivion / translation Marjolijn de Jager. London; Minneapolis: University of Minnesota Press, 2004.
- Connerton P. Seven types of forgetting // Memory Studies. 2008. № 1. P. 59–71.
- Connerton P. How Modernity Forgets. Cambridge University Press, 2009.
- Luehrmann S. Recycling Cultural Construction: Desecularisation in Postsoviet Mari El // Religion, State and Society. 2005. № 33 (1). P. 35–56.

Статья поступила в редакцию 3 августа 2021 г.

Forgetting and Remembering: Memories of the Soviet Past in Contemporary Research *Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya*

DOI: 10.17223/2312461X/34/8

Pavel S. Kupriyanov, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: kupriyanov-ps@yandex.ru

Anna D. Sokolova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: annadsokolova@gmail.com

The research was supported by the Russian Science Foundation's project No 19-78-10076.

Abstract. The paper is an introduction to the special issue on memory and oblivion in modern research. The selection of papers includes proceedings of the conference “To Forget and to Recall: Forms and Boundaries of Soviet Memory”, which took place on 1, 3, 5 and 6 February 2021 online on the basis of the IEA RAS and MSSES. This paper examines the main approaches to the study of oblivion and provides a brief description of the articles included in the selection.

Keywords: memory, oblivion, soviet, cultural recycling

References

- Assmann A. *Zabvenie istorii – odezhimost' istoriei* [Oblivion of history – obsession with history]. Compiled, translated from German by B. Khlebnikov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019.
- Safronova Iu.A. *Istoricheskaia pamiat': vvedenie: uchebnoe posobie* [Historical Memory: An Introduction: A Study Guide]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2019.
- Auge M. *Oblivion* / Translation Marjolijn de Jager. London and Minneapolis: University of Minnesota Press, 2004.
- Connerton P. Seven types of forgetting, *Memory Studies*, 2008, no. 1, pp. 59–71.
- Connerton P. *How Modernity Forgets*. Cambridge University Press, 2009.
- Luehrmann S. Recycling Cultural Construction: Desecularisation in Postsoviet Mari El, *Religion, State and Society*, 2005, no. 33(1), pp. 35–56.